

Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2021. 12(1): 54-65

DOI: 10.13187/rs.2021.1.54
www.ejournal15.com

Three Years in a Cossack Khutor during the “Stagnation” Period: Ethnographer’s Notes in the Fields of Memoirs of a Rural Teacher. Part 1. Life Support Practices and Authorities

Marina A. Ryblova ^{a, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The publication is based on the author’s memories of three years spent in a Cossack khutor in 1979–1982 and turned into a kind of ethnographic “field”, which provided extensive material for the subsequent understanding of how the Cossack population organized their daily life in the era of the so-called Soviet “stagnation”. The peculiarity of the publication, which conventionally fits into the genre of “notes”, is that the author appears in it simultaneously in two hypostases: a person recalling and commenting. The first part of the publication presents two main topics: the life support practices of the inhabitants of the Cossack khutor during the “stagnation” and the authorities (official and unofficial) in the structure of everyday life. The analysis of his own memories led the author to the conclusion that there are two kinds of authorities in the minds of the farmers: “not their own” (which they write complaints-claims, and also express claims in an open form) and “ours”, in relation to which there was a kind of code of honor and a special behavior model. A clear division of the inhabitants of the settlement into “us”, “strangers” and “not friends” was also decisive in the formation of the life support practices of its inhabitants, which assumed different models of behavior in relation to these groups. The inhabitants of the settlement behaved differently in its different zones of its space: “not their own” territory could be plundered, and “own” was carefully guarded from strangers. At the same time, products, in the production or extraction of which their own labor was invested (even if it was the state collective farm sphere), as in the previous Cossack tradition, was recognized as “common” and was freely redistributed among “our own”. All these ideas and practices persisted during the long Soviet period of the country’s history, having survived safely until the collapse of the USSR.

Keywords: field ethnography, the era of Soviet “stagnation”, the culture of everyday life, life support practices, ideas about authorities.

1. Введение

Жанр этой публикации трудно определить, исходя из имеющихся в настоящее время классификаций, хотя, скорее всего, он приближен к так называемой «признательной этнографии», в основе которой лежат саморефлексии исследователей текста (Щепанская, 2005) или которой эти исследователи пользуются (Олсен, Адоньева, 2016). И специфика этой статьи определяется именно особенностями моей профессии – этнографа-полевика,

* Corresponding author
 E-mail addresses: ryblova@mail.ru (M.A. Ryblova)

т.е. человека, работающего преимущественно в условиях этнографической экспедиции – того, что принято называть в наших профессиональных кругах «полем». В соответствии с устоявшейся традицией, работая в экспедиции, этнограф-полевик должен всегда иметь две тетрадки, одна из которых называется «Полевая тетрадь», а другая «Полевой дневник». Первая должна быть в руках исследователя в момент осуществления записи рассказов информантов, вне зависимости от того, используются при этом технические средства (магнитофон, диктофон). Вторая заполняется по окончании рабочего дня и представляет собой комментарии к ранее осуществленным работам. В дневнике обычно фиксируются самые разные сведения, а также мысли его автора, которые нередко впоследствии становятся частью будущих научных публикаций. Так, в дневнике могут быть отражены некие рефлексии исследователя по поводу сделанных ранее записей, наблюдения, осуществленные вне записей интервью, а также намечены планы будущих полевых работ. В научных публикациях, осуществленных по итогам экспедиций, этнографы используют материалы из обеих тетрадей. При этом материалы из полевых тетрадей обычно используются в качестве иллюстрации готовых научных построений. Возможна, впрочем, и публикация полных, записанных в поле, интервью. Особенность же этой статьи заключается в том, что автор выступает в ней одновременно в двух ипостасях: рассказчика и исследователя, соединяя тексты из воспоминаний с тем, что в большей степени относится к содержанию дневника.

2. Материалы и методы

Так сложилось, что трехлетнее пребывание в 1979–1982 гг. в казачьем хуторе в качестве учительницы восьмилетней школы оказалось моим первым этнографическим полем. Тогда я еще не предполагала, что стану со временем ученым-этнографом, всю свою профессиональную жизнь занимающимся традиционной культурой донских казаков. Но для того чтобы преодолеть все невероятные трудности жизни в забытом властями и, кажется, самим Богом хуторе – классическом провинциальном захолустье времен расцвета советского «застоя», – мне нужна была именно эта позиция: внимательного наблюдателя и исследователя. Таким образом, сейчас я вполне могу определить положенные в основу статьи материалы в качестве полевых этнографических, а главным методом назвать метод включенного наблюдения, который еще иногда называют наблюдением «изнутри» традиции.

В то же время представленные в этой публикации воспоминания «сельской учительницы» (именно такую пометку делала на конвертах со своими письмами моя не лишняя юмора подруга-горожанка) отличаются от записываемых в поле интервью, так как они пропущены через почти 40-летний исследовательский опыт автора, осложнены его последующими рефлексиями, а научные комментарии к ним, в свою очередь, отягощены субъективными переживаниями, а также попытками осмыслить характерные черты того периода в жизни страны, который разными людьми определяется то в качестве презренного «совка», то как лучшего, что было в нашем общем прошлом.

В первой части публикации я предполагаю ограничиться двумя темами: представить основные практики жизнеобеспечения жителей казачьего хутора времен «застоя» и рассмотреть власть (официальную и неофициальную) в структуре повседневности этого поселения.

3. Обсуждение и результаты

В два последних десятилетия в отечественных гуманитарных кругах получило широкое распространение сформировавшееся на Западе научное направление, связанное с исследованиями истории и культуры повседневности. Некоторые ученые стали широко применять наработки этого направления для изучения не только современных, но и традиционных и близких к ним сообществ. В рамках казачьей истории и этнографии изучается, например, культура повседневности крестьян и казаков XIX в., эпохи нэпа и пр. (Годовова, 2020; Багдасарян, 2015). При этом, согласно выработанной этим направлением методике, авторы нередко начинают свои исследования с анализа такого элемента повседневности, как пища и продовольственное потребление, переходя далее к характеристикам жилищ и одежды, исходя из того, что витальные потребности являются

первичными в процессе поддержания функциональной целостности и работоспособности как отдельного человека, так и всего социума.

Такой перенос представлений современного человека (как члена «общества потребления») на традиционные сообщества не представляется мне обоснованным. Для человека традиционной культуры практики жизнеобеспечения начинались не с употребления пищи, а с длительного и многотрудного процесса ее добычи и производства. Именно поэтому классические труды этнографов по традиционной культуре отдельных народов всегда начинались с описания их хозяйственной деятельности (по другой терминологии – систем первичного производства). Для меня и моих коллег-учительниц, оказавшихся в казачьем хуторе в качестве людей, занимавшихся исключительно умственным трудом и не имевших подсобных хозяйств, стала большой жизненной проблемой именно необходимость ежедневной добычи «хлеба насущного». Время (и усилия), затрачивавшиеся нами на это, не шли ни в какое сравнение со временем, необходимым для приема пищи или той же профессиональной деятельности.

Практики жизнеобеспечения. Вспоминаю, как для меня, родившейся в сельской местности, было радостным открытием то, что в период обучения в пединституте¹ я могла закупить в студенческом буфете или в ближайшем магазине множество вкусностей, затратив на это минимум времени. Это был лишь вопрос денег. В казачьем хуторе наличие денег не обеспечивало той же легкости в практиках нашего тогдашнего жизнеобеспечения. В хуторском магазине набор продуктов был очень скромным и постоянным. Он состоял из хлеба, яблочного повидла (жестяные трехлитровые банки с ним занимали большую часть полок), вермишели, постного масла и небогатого набора рыбных и овощных консервов. Здесь не продавались ни мясо, ни молоко, ни овощи, производимые, кстати, в совхозном хозяйстве.

В первое время вопросы нашего питания решались просто: нас определили на постой к местным жителям. Две девушки-«математички» жили в доме семейной пары пенсионеров; нас – трех «гуманитариев» – поселили у школьной уборщицы (она с мужем жила в другом доме, расположенном на том же подворье). За постой платила местная власть. А за наши деньги хозяева кормили нас, используя для приготовления пищи отнюдь не магазинное продовольствие, а продукты со своих подсобных хозяйств. Кормили сытно и вкусно, предлагая постоянный и нехитрый набор блюд, исключавший мясо: постные щи, картошка с домашними соленьями, пирожки, блины и оладьи. Мы были довольны, так как не тратили время ни на поиски продуктов, ни на «готовку». Все наше время уходило на обустройство школы, которая с нашим приездом из начальной была превращена в восьмилетку.

Собственно, с этим и был связан приезд в хутор нашего «педдесанта»: хуторяне долгое время добивались, чтобы их дети по окончании начальной школы не отправлялись для дальнейшего обучения в соседний хутор, где подолгу проживали в интернате. Группа студенток-добровольцев последнего года обучения в пединституте по призыву районного отдела образования перешла на обучение экстерном и приехала в хутор, получив статус сельских учительниц, не имеющих еще дипломов, но готовых посвятить себя благому делу. Директором школы стала моя подруга, с которой до этого мы жили в одной комнате в студенческом общежитии, и которая совершала поистине чудеса героизма, воюя с местными властями и обустривая одновременно и школу, и наш учительский быт. Помогало ей в немалой степени то, что сама она была казачка, хотя и родом из других мест. Нравы казаков и особенности всей казачьей жизни были известны ей с малолетства. Меня же удивляло в хуторе абсолютно все. Но, может быть, именно поэтому мой взгляд цепко фиксировал то, на что взгляд моей подруги был «замылен» – хуторскую обыденность. Феномен «чистого взгляда» хорошо известен профессиональным этнографам, считающим его наличие обязательным условием для успешной полевой работы.

Школа располагалась в деревянном здании бывшей церковно-приходской школы. Местные власти взяли на себя труд по незначительному благоустройству пустующих помещений, ограничившемся ремонтом печей и навешиванием в дверных проемах смежных классов вместо дверей байковых одеял. Никто из родителей школьников помощи не предложил. Мы сами заклеивали щели в оконных рамах, белили печки. Объяснение

¹ Волгоградский государственный педагогический институт им. А.С. Серафимовича.

такому равнодушию нашлось позже: все, что признавалось хуторянами «казенным», в плане благоустройства их не интересовало. Мы быстро поняли, что были для них частью этого «казенного мира».

Видимо, по этой же причине на месте нашего нового обитания (нас вскоре переселили в заброшенный домик, стоявший на отшибе хутора) мы оказались без забора: соседи стали активно разбирать его на дрова. На наше возмущение отвечали: «А вам он зачем? Поживете – уедете, а нам топить нечем». На вопрос, почему раньше не разбирали, также немногословно поясняли: «Раньше тут жили наши, хуторские».

Наши попытки обустроить примыкавшую к школе территорию потерпели фиаско по той же причине. В один из весенних дней учителя вместе с немногочисленными школьниками (в самом большом классе было 7 человек) вышли на субботник и в течение дня засадили пустырь у школы молодыми деревцами. Утром следующего дня обнаружили, что половина из них исчезла: их выкопали и перенесли на свои подворья хуторяне. На наши слезные возмущения ответа не было, но мы уже знали: для них эта территория была все той же «казенкой», несмотря на то, что школу открыли для их собственных детей.

Также не увенчались успехом попытки как-то обустроить наше подворье на очередном месте обитания. К началу следующего учебного года нам выделили «учительские квартиры». «Математичкам» и нам, «гуманитариям», досталось по половине вновь отстроенных совхозных домов. Каждая половина состояла из трех комнат, и мы блаженствовали – каждая в своей. «Обставлялись» мы также сами: наши ученики помогли принести из школы старые парты, которые служили рабочими столами.

С обустройством двора было сложнее. Сажать деревья не было возможности из-за отсутствия системы полива (воду для личных нужд мы носили из колодца, расположенного далеко от наших домов). Еще одна причина – быстрое превращение нашего двора в общую территорию. Наличие у нас двух калиток (уличной и задней) дало основание обитателям соседних домов ходить «напрямки» через наш двор. На наши возражения по этому поводу и предложения пользоваться расположенным рядом переулком, они недоуменно отвечали: «Так ведь удобнее». Мы в очередной раз поняли: казенная территория – всегда общая и при этом благоустройству самими хуторянами не подлежит. По этой же причине, видимо, зияла огромная яма с водой в центре хутора – между клубом и магазином.

Много позже я буду записывать в поле рассказы о том, как в дореволюционное время казачьи общины активно занимались благоустройством своих поселений и юртов (Рыблова, 2019).

Главные проблемы обитания в новом «учительском доме» были те же: его отопление в зимнее время и добыча продуктов в течение всего года, кроме лета, когда мы разъезжались на время отпусков. Печной котел в новой квартире нещадно дымил, дров не было. С наступлением морозов нам привезли огромные глыбы угля, которые нужно было каждое утро колоть, и дрова в виде непиленых стволов деревьев. Часть этих бревен нам распилили мальчишки-школьники, выпросив у родителей бензопилу. Другая часть дров в виде сырых тополей весной пустила буйную листву. Хуторяне похихатывали: «Видали, у училок дрова зазеленели? Глядишь, скоро зацветут».

Мерзли мы нещадно. Печной дымоход прочищали сами. Чтобы залить воду в систему отопления (для этого нужно было лезть на чердак по огромной, позаимствованной на время у соседней лестнице), звали все тех же мальчишек. Позже это стали делать знакомые хуторские парни, взявшие наше учительское сообщество под некое покровительство. Семейные хуторяне в наши бытовые проблемы особо не вникали.

Мой рассказ, начавшись с питания, не случайно переместился на проблему отопления. Замерзнуть от холода или отравиться угарным газом было гораздо страшнее, чем сидеть перед полупустым обеденным столом с постоянным набором блюд: вермишель с луком, обжаренным на смальце, чай и хлеб с яблочным повидлом – на десерт. Умереть с голоду здесь было нельзя. И мы не худели, а, наоборот, набирали в весе. Проблема заключалась в том, что при отсутствии молока и овощей можно было не на шутку разболеться. А лечится, кстати, было негде, так как в хуторе не было даже фельдшерского пункта. Привозить продукты из города было затруднительно из-за того, что ровно полгода в хутор не ходил городской автобус из-за отсутствия дороги с асфальтовым покрытием. Осенью и весной грунтовка превращалась в непролазную грязь, зимой ее заносило снегом.

Еще осенью нас особенно волновало отсутствие возможности купить картошку. В студенческом общежитии мы питались в основном ею. А здесь – даже в суп бросить нечего. Стали активно интересоваться, как эту проблему решают хуторяне. Оказалось, практически все сажают картошку в большом количестве: и на подворьях, и за хутором на бахчах. Но не продают: «самим едва хватает». Стали искать советов у знакомых женщин («теток», как мы их называли). Тетки очень удивились, узнав о нашей проблеме: «Так вон же на полях ее – завались». Совхоз, действительно, выращивал картофель, и мы знали, что часть его так и оставалась не убранной. На наше испуганное: «Что же, воровать идти?» – тетки удивлялись еще больше: «Зачем воровать? Идите и берите. Мы все туда ходим. Только ночью идите. Оно, конечно, ловить особо некому, но все же... И мешки не забудьте прихватить». Предлагали присоединиться к их компании, но мы отказались. Решили: если уж пойдем, то сами.

Вопрос об участии в расхищении социалистической собственности обсуждался нами долго. Было и стыдно, и страшно. Но голод, говорят, не тетка... В одну из темных и холодных ночей начали собираться, как тати перед разбоем: надели все самое темненькое, головы замотали платками – не узнать. Страшно было до ужаса. Вот поймают учительниц на воровстве – как говорят, «стыду́ до глаз» и век не отмоемся. Но все прошло гладко. Набрали по полмешка каждая и, охая и причитая, дотащили до дома. Утром я не смогла встать с постели – разбил радикулит. Бог, говорят, шельму метит...

Еще говорят, что стоит только встать на скользкую дорожку, дальше само покатит. Следующим этапом нашего приобщения к расхищению социалистической собственности стало получение молока. В совхозе было большое молочное хозяйство, многие тетки (в том числе и матери наших школьников) работали на ферме доярками. Говорили: «Работа чертова, платят мало, но мы всегда при молоке». Каждая, отправляясь на дойку, прихватывала с собой бидончик: по окончании дойки наливала туда молоко и несла домой. Нам тут ничего не светило. Но вскоре мы узнали еще об одном способе получить совхозное молоко на свой стол. У нашей учительницы начальных классов (местной жительницы) муж работал шофером, возил молоко с фермы на молокозавод. Перед отправкой в рейс он подъезжал к своему дому и отливал из цистерны ровно одно ведро: для нужд семьи хватало. Учительница предложила: «Приходите, я и вам буду отливать». Согласились с радостью. Приходили раз в неделю с 3-литровой банкой, при этом всегда вечером, когда было темно. Татями мы себя уже не чувствовали, но огласки опасались. Хотя зря: в хуторе все про всех всё знали, как не таись.

Вскоре мы обнаружили и другие (более безопасные, а главное – по-настоящему интересные и радостные) способы решения «продовольственной проблемы». Этнографы определили бы эту сферу нашей деятельности как собирательство, но я почему-то использовала другой термин – старательство. На вопрос подружек-коллег, видевших, как я обуваю резиновые сапоги: «Куда собираешься?» – отвечала: «Иду в старатели». Моей страстью и моей «продуктовой ответственностью» стали грибы. За лесными грибами (в пойму Дона) ходила только в сопровождении соседских мальчишек (моих учеников), так как могла заблудиться буквально в трех соснах: родилась и выросла в степных краях. А вот за огромными шампиньонами, которые росли в изобилии на старых навозных кучах у совхозного свинарника, ходила одна: местные такие грибы за еду не считали. Мои подружки солили и мариновали лесные грибы, а шампиньоны я заготавливала на зиму опять же сама: обжаривала их в большом количестве смальца и раскладывала по банкам. Хранились они в таком виде долго.

Вопрос хранения продуктов стоял также остро из-за отсутствия у нас холодильника. Но из скисшего молока получались отличные оладьи. А для того, чтобы сохранить брусок сливочного масла (иногда по случаю привозимого из города), помещали его в кастрюлю с холодной водой и выносили в коридор. Летом воду нужно было регулярно освежать (чтобы всегда была холодной). Поздней осенью и зимой складывали продукты в авоську и вешивали за форточку. Но тут нужно было следить, чтобы их не расклевали птицы.

Очень любили мы ходить в конце лета – начале осени в пойму, где собирали дикий терн, яблоки и груши. Терн мочили, яблоки и груши сушили. Набивая сухофруктами наволочку, радовались: ну, цинги точно не будет.

Однажды, сидя на старой яблоне (довольно далеко от хутора) и обирая спелые плоды, услышали снизу старческий скрипучий голос: «А вить это наша алевада, родовая...». Под деревом стояла древняя старуха с бадиком¹, явно пришедшая сюда по нашим следам. Смотрела осуждающе, но больше ничего не сказала. Я недоуменно посмотрела на подружку-казачку: «Какая алевада? Чего она хочет?». Подружка разъяснила не без смущения: «Левада – это по-казачьи место, где раньше, до революции, были семейные посадки деревьев – не в хуторе, а за его пределами». Когда старуха неспешно удалилась, продолжила: «Подишь ты, сколько лет прошло, а она все помнит свою алеваду. Тоже мне, собственница выискалась». Я огляделась по сторонам – просто пролесок с изредка растущими плодовыми (давно одичавшими) деревьями. Ни изгородей, ни каких-то других меток. Но обрывать далее «старухины» яблоки мы не стали.

Как-то поздней осенью нашу директрису-казачку соседи пригласили на «щипанки». Я навострила ухо: «Что такое щипанки?». Подруга попеняла: «Ведь у тебя ж в роду казаки были, а ничего не знаешь. Щипанки – это когда зовут соседей и знакомых ощипывать и потрошить домашнюю птицу. Если птицы много – самим не управиться. По-казачьи это еще помочами называется».

Соседи наши, действительно, в большем количестве разводили домашних уток. После забоя часть увозили продавать в город, другую оставляли себе на пропитание. Впрочем, подруга, надеявшаяся принести нам уточку (в качестве платы за работу), пришла разочарованная: уточки, жадюги, не дали. Правда, накормили всех участниц «щипанок» щедро, еще и водочкой угостили. И песни попели. Старая традиция... А по традиции, кстати, (как узнаю позже) на помочах никакой платы и не было (ни деньгами, ни продуктами). На то они и помочи – вид коллективных работ, связанных с понятием соседской взаимопомощи, а не подработка на стороне.

Время от времени местная «холостежь» (в лице неженатых парней) приносила нам рыбу, чаще – сырую, изредка – вяленую чехонь. Последняя здесь очень ценилась, но на наши предложения купить ее в большом количестве парни отнекивались. Позже мы узнали, что чехонь ценилась за отменные вкусовые качества и к тому же была местной «валютой». Вылавливали ее в Дону браконьерски, заготавливали в большом количестве и тщательно прятали (в деревянных ящиках) где-нибудь в укромных местах. Чехонью расплачивались «на стороне» в разных нелегких житейских ситуациях: дочь поступает в городе в техникум, сын попал под суд...

В последнюю нашу хуторскую осень, узнав, что больше мы не пойдем воровать картошку на совхозные поля, парни притащили ее целый мешок. Поставили аккуратно в коридорчике и молча топтались. Поняв, что нужно что-то заплатить, и зная, что есть еще одна местная «валюта» – водка (в варианте – самогон), мы пообещали, что на днях купим и отдадим. Один из парней («главный»), глядя куда-то в сторону, сказал: «Не надо водки, вот это возьмем». Проследив за его взглядом, я увидела пылившиеся на подоконнике пять больших аптечных пузырьков с эфиром. Их оставил мой отчим, когда приезжал вместе с моей мамой еще весной проведать меня. Отчим – стоматолог, купил эфир для работы и забыл выгрузить пузырьки из машины перед отъездом. Предложил оставить у нас: не трясти же склянки по ухабам российского бездорожья (конечный пункт их поездки был далеко от нашего хутора). С тех пор пузырьки и пылились в коридорчике, напрочь нами позабытые за совершенной их бесполезностью. Как мы ошибались! Я все же попыталась объяснить парням, что в пузырьках не спирт. Они отмахнулись и, молча собрав их в сумку, удалились. По виду были очень довольны. Я же в растерянности пошла за разъяснениями, как всегда в таких случаях, к подружке-казачке. Ее ответ был коротким: «Да нюхать они его будут». Так эфир пополнил мой список местной «продуктовой валюты».

Случай с эфиром был единичным и, в моем понимании, абсолютно экзотичным. Что касается самогона, то иногда мне казалось, что именно он был у местных жителей главным продуктом потребления. Пили в хуторе практически все, начиная от некоторых наших школьников и заканчивая старухами. Многие из последних еще и подвизались на почве самогонварения. Хуторяне знали их поименно и в любое время суток могли постучать

¹ В донских говорах бадиком называют палку, посох или трость.

в окошко на предмет покупки зелья. В выходные и праздничные дни мы предпочитали отсиживаться дома: хутор «гудел» и появляться на улицах было небезопасно. Иногда казалось, что за пару праздничных дней хуторяне выпивали водки и самогона больше, чем воды за неделю.

А упомянутый выше визит моей мамы имел неожиданные последствия в решении нашей «продуктовой проблемы». Правда, узнали мы о ее роли не сразу. Осенью нам неожиданно предложили «выписать» мясо из местных совхозных запасов. Такая выписка производилась всего трижды, но мы были поражены щедростью местных властей. Еще больше удивились, когда нас «прикрепили» к детскому садику для получения молока. Ходили мы туда дважды в неделю, отказавшись от услуг мужа нашей учительницы. Правда, этот канал снабжения тоже продержался недолго. Но загадка осталась: что это вдруг местные власти про нас вспомнили и озаботились нашим питанием? Позже открылось: моя мама (в прошлом учительница и жена директора совхоза – моего отца) написала гневное письмо директору нашего совхоза (жившему в соседнем хуторе – в так называемой «центральной усадьбе»), в котором высказала свою возмущение равнодушием местной власти к нуждам учительниц, которые, по сути, создали в хуторе восьмилетку. Впрочем, этот сюжет относится в большей степени к вопросу о власти, который будет рассмотрен далее.

Власть в пространстве казачьего хутора. В заволжском совхозе, в котором я выросла, вся местная власть была на виду. Даже будучи детьми, мы прекрасно знали лично и по имени-отчеству председателя сельсовета, милиционера, совхозного парторга (хотя и не очень понимали, что это за должность). Моего отца, разумеется, тоже знали все. Относиться ко всем этим людям могли по-разному, но с ними постоянно общались по самым разным поводам. Когда я ехала учительствовать в казачий хутор и чувствовала себя немножко героиней, я, конечно же, не ожидала, что нас там встретят с фанфарами, а проводят с медалями. Но того, что нас не встретит никто из местной власти и более того – за все три года нашей там жизни ни разу к нам не приедет – не ожидала. К нам ни разу не приехал никто и из районного отдела образования! Это, конечно, создавало невиданные условия для свободного творчества в нашей работе: никаких предписаний и проверок. Но вместе с тем давало и опасливое и непривычное ощущение оторванности от жизни. Жить в ситуации полного безвластия нам еще не приходилось...

В хуторе не было ни милиционера, ни сельского совета (равно как и бани, и библиотеки). Все это было на центральной усадьбе, но, если у нас и появлялись какие-то представители власти, то это как-то прошло мимо меня. Единственным начальником у нас был управляющий отделением совхоза, но это была власть производственная, и с нами она тоже никогда не пересекалась. Наша школьная директриса периодически названивала с почты в сельский совет, в районный отдел образования, чтобы получить хоть какую-то помощь в обустройстве школы. Обещали. И забывали. Вы не поверите, но даже за электроэнергию в своих «учительских квартирах» мы не платили, и счетчиков у нас в домах не было. Интересно также и то, что хуторяне (при мне, во всяком случае) никогда не вели разговоров на политические темы. Услышать хоть что-то о последнем партийном съезде или пленуме было здесь делом невозможным в принципе: всем хватало местных проблем и сплетен. Газет хуторяне не читали и не выписывали. Не рассказывали здесь и политических анекдотов, которые были в большом ходу в нашей прежней городской жизни.

Однако при физическом отсутствии власти в пространстве и повседневной жизни хутора она присутствовала ментально. И диалог хуторян с властью происходил, но осуществлялся в виде периодически направляемых в район или чаще – «в центр» писем с жалобами и требованиями: открыть восьмилетку, наладить клубную работу, организовать молодежный досуг, починить дорогу и пр. Местной (совхозной и поселковой) власти жалоб не писали, давно махнув на нее (как и она на них) рукой. Власть сверху иногда реагировала на жалобы. Нашу школу, например, открыли. По жалобе молодежи о развале клубной работы и отсутствии в хуторе молодежного досуга приехала корреспондентка московской газеты. Поговорив с жалобщиками, она потом высказывала нам свое недоумение: «А что же молодежь сама ничего не делает? Кто за них будет кружки да концерты организовывать? И лужу у клуба давно бы сами засыпали». Мы с ней соглашались и тоже недоумевали.

Много лет спустя я писала в своих публикациях о том, что в 1960–1970-х гг. в стране наблюдался поток жалоб в различные органы власти и газеты со стороны жителей сел

и деревень, связанных с организацией сельской культурной жизни. Жаловались всё на то же: клуб работает плохо, кружков нет, агитбригады не работают и пр. Мой комментарий к этим материалам сводился к тому, что с уничтожением прежней (традиционной, общинной) системы организации культурной жизни в сельской местности население заняло потребительскую позицию и ожидало, что новая власть теперь сама будет решать все эти насущные вопросы. Власти решали их не всегда в должной мере, а население строчило письма-жалобы (Рыблова, 2013).

Сейчас, вспоминая детально свою жизнь в казачьем хуторе, я могу добавить к прежним суждениям и нечто новое. Патерналистские настроения, конечно же, имели место, но в позиции жалобщиков из нашего хутора было и другое: злорадная констатация беспомощности власти, почти радостный подсчет ее просчетов и ошибок. Власти как бы подспудно говорили: «Ну, что, не справляешься? А мы и не надеялись...». И даже если власти исправляли свои ошибки, хуторяне оставались неудовлетворенными, выискивая новые поводы для критики. Ведь восьмилетку в хуторе по жалобе все-таки открыли. Но только одна-единственная родительница приходила периодически в школу и предлагала нам помощь. По ее инициативе устроили в клубе грандиозный спектакль с участием детей и учителей. Никто (кроме этой родительницы, задействованной, кстати, в спектакле) на это мероприятие не пришел. Не пришли на спектакль с участием собственных детей! И посаженные у школы деревца тоже выкопали не приезжие-чужие. И лужу не засыпали, несмотря на увещевания московской журналистки.

Сейчас я думаю, что это было своеобразным выражением протеста местных жителей против власти, которая, разрушив старые устои казачьей жизни, в чем-то самом главном и важном не удовлетворила какие-то их чаяния. Этот протест не был четко сформулирован, может быть, не вполне и осознан, а скорее проживался эмоционально.

Впрочем, это справедливо лишь по отношению к поголовному большинству хуторян, которое заливало водкой, в том числе, и эту свою не сформулированную ясно социальную разочарованность. Были, однако, в хуторе и такие люди, которые свои претензии к власти высказывали вполне осознанно и открыто. Их было мало, может быть, несколько человек. Но я лично знала только одного такого оппозиционера. В хуторе все называли ее – Настя Прокурор. Она была в оппозиции властям всех уровней всегда. Это было ее жизненное кредо. Позволять же себе оппозиционность она, видимо, могла по причине полной независимости от властей (никаких привилегий от них она не имела), а уволить с работы ее было нельзя в силу пенсионерского статуса.

Жалоб Настя Прокурор не писала, она выступала всегда устно, всегда страстно и с открытым забралом. Ее пламенные речи, щедро перемежавшиеся ненормативной лексикой, можно было услышать у магазина, у колодца, просто на улице. Начинались они всегда одинаково: «Власть эта ваша! Куда смотрят? Ни черта не делают...». Далее развивалась конкретная тема: у училки зацвели дрова, в детсаде холодно, у доярок маленькая зарплата, а управляющий пьет, не просыхая... Может быть, кто-то над Настей Прокурором и посмеивался, но в целом в хуторе ее очень уважали. По сути, она была символическим общественным рупором хуторян, высказывая то, что они сами думали и чувствовали, но при этом безмолвствовали.

Как-то с подругой-казачкой мы разговорились о Насте Прокуроре и в целом об отношении казаков к советской власти. Она поведала мне интереснейшую историю: «Настя – это так, цветочек. Вот у нас рассказывали о казаках из хутора Грачи – вот это ягодки! Я еще в школе училась, а столько рассказов про них наслушалась. Там было много казаков-мужчин и, говорят, они все в черной одежде ходили, и кони у них были черные. И этих грачевских все боялись. Рассказывали, что они хотели выбрать председателем колхоза своего человека, а им прислали чужого. Они с ним не ладили, а потом и вовсе повесили. Он жил в другом хуторе. Они ночью прискакали на своих черных конях и повесили его в сарае. И никто ничего не мог доказать». Для меня – историка по образованию – этот рассказ выглядел абсолютно неправдоподобно: легенда какая-то. Но подруга стояла на своем: «Так все и было!».

Наконец, в хуторе была и еще одна – незримая, но очень эффективно работавшая власть. Правда, действовала она в сфере хуторской морали и нравственности. Эта власть, по сути, заменила собой официальную советскую идеологию, в которую, впрочем, тут никто

и не вникал. Называлась она «бюро ОБС» – «одна бабка сказала». Ее членами, соответственно, были бабки – женщины преклонных лет и старухи, которые пристально следили за всеми перипетиями повседневной жизни хуторян, а также за обстоятельствами их семейной и личной жизни. Бюро знало все и про всех. Его приговоры не подлежали обсуждению и обжалованию. Если бюро провозгласило, что Катерина загуляла с Ванькой Бугаем (клички здесь имели многие), значит, так оно и было. Все свежие вести от грозного и невидимого для нас бюро приносила в школу наша учительница начальных классов. В учительской перед уроками весело сообщала: «Внимание, новости от бюро ОБС! К Наталье Сергеевне (нашей подруге-учительнице) приходил свататься Колька Е. Он ей сказал... А она ему ответила...». Мы возмущенно кричали: «Ну, не приходил он вовсе! И откуда они могут знать, что он сказал и что она ответила? Под столом что ли сидели?». Ответ всегда был один: «Бюро ОБС все знает!».

У бюро ОБС были очень четкие понятия о нормах социальной и семейной жизни. Например, оно порицало излишнее потребительство и не одобряло тех немногих, кто копил на машину, с комментариями: «Зажрались! Еще бы ладно, мотоцикл...». Бюро считало, что нам – училкам – всем давно пора замуж («Но воротят носы от наших парней»). В политику бюро также никогда не лезло, но своеобразной идеологической властью в хуторе было однозначно.

Я помню, как нас угнетало это непривычное отсутствие границ между общественной и приватной сферами жизни. Можно было сколько угодно скрытничать, отмалчиваться и заператься, но спрятаться от всевидящего ока хуторского бюро было невозможно.

В постсоветское время появятся специальные исследования, посвященные институту деревенских сплетен. Ученые будут отмечать такие его функции, как налаживание и поддержание общественных и межгрупповых коммуникаций и формирование идентичностей, выявлять роль в социализации членов сельских сообществ, исследовать психологическую составляющую сплетен и слухов. Соглашаясь с мнением исследователей, считающих, что «характер бытования сплетен должен быть определен как “эзотерический” по преимуществу» (Кушкова) (для меня бюро ОБС было органом почти мистическим), отмечу, что, по моему мнению, в нашем хуторе бюро ОБС выполняло также и своеобразные судебные функции. Получив однажды его безжалостный приговор, приговоренный (и припечатанный соответствующей кличкой: Ванька Бугай, Лизуха Аэропорт и пр.) не мог рассчитывать даже на срок давности и носил печать однажды содеянного пожизненно. Укрыться можно было, только покинув территорию хутора. Но бюро ОБС могло настигнуть своими приговорами и тех, кто уезжал: «Видели Настену в городе, ходит намазанная-раскрашенная. Поди, по-прежнему гуляет...».

Сказав выше о том, что мне лично не приходилось общаться в хуторе с представителями советской власти, я не могу не вспомнить тот случай, когда нам пришлось с ними увидеться. Речь пойдет об открытом судебном заседании (проходившем в клубе), на котором судили за воровство двух хуторских доярок и местного парня – за злостное хулиганство. Мы на этом заседании присутствовали по той причине, что тоже немного пострадали от этого хулигана. Он принадлежал ко второй категории молодой мужской части населения хутора, которая по классификации самих хуторян, делилась на тех, кто «до армии» и тех, кто «после заключения» (с добавлением: «а других у нас и нету»).

Я не буду вдаваться в подробности приключений вышедшего на волю после очередной отсидки Вована, а расскажу про то, как в поле зрения правосудия попали доярки. Началось все с того, что в хутор нагрянула районная милиция и произвела обыски. Искали «донскую валюту» – чехонь. И в нескольких домах нашли спрятанные на чердаках ящики с рыбой. Рыбу конфисковали, их владельцы отделались штрафами. Но в двух домах помимо чехони милиционеры обнаружили новорожденных телят. При отсутствии у хозяев коров. Стали разбираться, и выяснили, что телята украдены с фермы работающими там доярками. Дело дошло до суда, на котором мы и присутствовали. Женщинам дали условные сроки. На наш вопрос, адресованный знакомым парням: «Кто ж донес на рыбаков?» – ответ был четкий: «Городские бракоши. Че-то с нашими не поделили, вот и стуканули ментам». На мои сомнения, что «может, все-таки свои», возмутились: «Ты чё, девка, чтоб наши на своих ментам стучали?! Не в жисть такого не бывает. Наши, если чё, друг другу морды поразбивают, могут и пришить, но чтоб ментам писать...».

Как-то, сидя у нас в гостях, один из местных парней (с опытом отсидки) стал задавать вопросы «на проверку»: «Вот ты ж не побежишь к ментам, если кто-то из наших бузить начнет?». Я въедливо поинтересовалась, что значит – «бузить»? И добавила, что если кто-то будет угрожать моей жизни или моему здоровью, конечно же, обращусь в милицию. Собеседник был поражен таким ответом. Быстро засобирился и ушел. Проверку я, видимо, не прошла. Кстати, на Вована мы никаких жалоб не подавали; сел он за то, что угрожал ножом беременной женщине. Она и подала заявление в милицию. Мы, пострадавшие в гораздо меньшей степени, тем не менее, были вполне удовлетворены решением суда о его заключении. Правда, озвучивать свое удовлетворение не стали.

Знали мы и о том, что хуторские парни из категории «до армии» собирали для своих молодых земляков, находящихся в заключении, посылки с продуктами и теплыми вещами. Но здесь я уже выхожу за рамки выше обозначенных тем и вторгаюсь в проблему половозрастного состава населения хутора, в котором, как и в традиционной общине, отдельные группы четко разделялись по статусам, ролям и функциям. Об этом речь пойдет во второй части публикации.

4. Заключение

В заключение резюмирую: в смутных и эмоциональных высказываниях наших хуторян, по сути, было сформулировано представление о двух, существующих параллельно в пространстве заброшенного казачьего хутора, властях: «не своей» (невидимой, которой пишут жалобы-претензии, а также высказывают претензии в открытой форме) и «своей», по отношению к которой существовали и своеобразный кодекс чести, и модели поведения («своих не бросаем и не сдаем»).

Четкое деление жителей хутора на «своих», «чужих» и «не своих» (к которым относились молодые учительницы, так и не ставшие в полной мере «своими»), а хуторской территории на «свою» и «казенную» было определяющим и в формировании практик жизнеобеспечения хуторян, предполагавших разные модели поведения по отношению к этим группам и в разных зонах пространства поселения: «казенное» («не свое») могло подвергнуться разграблению, а свое оберегалось от поползновений на него чужаков. В то же время продукция, в производство или добычу которой был вложен собственный труд (даже если это была совхозная сфера), как и в прежней казачьей традиции, признавалась «общей» и свободно перераспределялась между «своими». Все эти представления и практики сохранялись в течение длительного советского периода истории страны, дожив благополучно до времени распада СССР.

Что касается молодых учительниц, оказавшихся неподготовленными к экстремальным условиям жизни в маленьком казачьем хуторе, то для них наиболее успешными оказались практики частичной инкорпорации в казачью обществу, основанной на поиске и определении «своих» в среде «чужих» и опорой на них, осуществляемой нередко при отказе от некоторых ранее исповедуемых ими принципов и норм жизни или, по крайней мере, при их серьезной ревизии. Впрочем, тема «своих» и «чужих», поиска опорных групп и новых базовых ценностей будет также продолжена во второй части публикации.

5. Благодарности

Исследование практик жизнеобеспечения жителей казачьего хутора выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43097 «Донские казаки в СССР»; исследование особенностей функционирования власти в пространстве хутора – в рамках реализации гос. задания ЮНЦ РАН на 2021 г., № гр. АААА-А20-120122990111-9.

Литература

Багдасарян, 2015 – Багдасарян С.Д. Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы. Новочеркасск: Лик, 2015. 312 с.

Годовова, 2020 – Годовова Е.В. Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX–начале XX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 382 с.

Кушкова – *Кушкова А.Н.* Деревенская сплетня: некоторые особенности бытования и функционирования. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kushkova1.htm> (дата обращения: 24.02.2021).

Олсон, Адоньева, 2016 – *Олсон Л., Адоньева С.* Традиция, трансгрессия, компромисс. Миры русской деревенской женщины. М.: НЛО, 2016. 444 с.

Рыблова, 2013 – *Рыблова М.А.* Традиционная культура донских казаков в период социалистической модернизации // *Стрежень: научный ежегодник.* 2013. № 11. С. 165-177.

Рыблова, 2019 – *Рыблова М.А.* Между буднями и праздником: коллективные работы и общественные повинности в традиционной общине донских казаков // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения.* 2019. № 4. С. 202-214.

Щепанская, 2005 – *Щепанская Т.Б.* Экспедиционные традиции: к топографии «поля» в неформальном дискурсе полевых исследователей (этнографов, археологов, антропологов) // *Проблемы исторического регионоведения/* отв. ред. Ю.В. Кривошеев. СПб: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 76-100.

References

Bagdasarjan, 2015 – *Bagdasarjan, S.D.* (2015). Byt, trud i sem'ja krest'jan jepohi njepa: istoricheskaja povsednevnost' juzhno-rossijskoj derevni v 1920-e gody [Life, work and family of peasants of the NEP era: the historical everyday life of the southern Russian village in the 1920s]. Novoчеркассk: Lik, 312 p. [in Russian]

Godovova, 2020 – *Godovova, E.V.* (2020). Povsednevnaia zhizn' rossijskogo kazachestva vo vtoroj polovine XIX–nachale XX v. [Everyday life of the Russian Cossacks in the second half of the XIX – early XX century]. SPb.: Dmitrij Bulanin, 382 p. [in Russian]

Kushkova – *Kushkova, A.N.* Derevenskaja spletnja: nekotorye osobennosti bytovaniia i funkcionirovaniia. [Electronic resource]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kushkova1.htm> (date of access: 24.02.2021). [in Russian]

Olson, Adon'eva, 2016 – *Olson, L., Adon'eva, S.* (2016). Tradicija, transgressija, kompromiss. Miry russkoj derevenskoj zhenshhiny [Tradition, transgression, compromise. The worlds of a Russian country woman]. M.: NLO, 444 p. [in Russian]

Ryblova, 2013 – *Ryblova, M.A.* (2013). Tradicinnaja kul'tura donskih kazakov v period socialisticheskoj modernizacii [Traditional culture of the Don Cossacks during the period of socialist modernization]. *Strezen': nauchnyj ezhegodnik.* 11: 165-177. [in Russian]

Ryblova, 2019 – *Ryblova, M.A.* (2019). Mezhdubudnjami i prazdnikom: kollektivnye raboty i obshhestvennye povinnosti v tradicionnoj obshhine donskih kazakov [Between weekdays and holidays: collective work and social obligations in the traditional community of the Don Cossacks]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija.* 4: 202-214. [in Russian]

Shhepanskaja, 2005 – *Shhepanskaja, T.B.* (2005). Jekspedicionnye tradicii: k topografii «polja» v neformal'nom diskurse polevyh issledovatelej (jetnografov, arheologov, antropologov) [Expeditionary traditions: towards the topography of the “field” in the informal discourse of field researchers (ethnographers, archaeologists, anthropologists)]. Krivosheev Ju.V. (ed.). *Problemy istoricheskogo regionovedenija* [Problems of historical regional studies]. SPb.: Izd-vo SPbGU, pp. 76-100. [in Russian]

Три года в казачьем хуторе времен «застоя»: записки этнографа на полях воспоминаний сельской учительницы. Часть 1. Практики жизнеобеспечения и власть

Марина Александровна Рыблова ^{а, *}

^а Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Основу публикации составили воспоминания автора о трех годах, проведенных в казачьем хуторе в 1979–1982 гг. и превращенных им в своеобразное этнографическое «поле», давшее обширный материал для последующего осмысления того, как казачье население организовывало свою повседневную жизнь в эпоху так называемого советского «застоя». Особенностью публикации, вписывающейся условно в жанр «записок», является то, что автор предстает в ней одновременно в двух ипостасях: человека вспоминающего и комментирующего. В первой части публикации представлены две основные темы: практики жизнеобеспечения жителей казачьего хутора времен «застоя» и власть (официальная и неофициальная) в структуре повседневности. Осуществленный анализ собственных воспоминаний привел автора к выводу о наличии в сознании хуторян двух властей: «не своей» (которой пишут жалобы-претензии, а также высказывают претензии в открытой форме) и «своей», по отношению к которой существовал своеобразный кодекс чести и особая модель поведения («своих не бросаем и не сдаем»). Четкое деление жителей хутора на «своих», «чужих» и «не своих» было определяющим и в формировании практик жизнеобеспечения его жителей, предполагавших разные модели поведения по отношению к этим группам. По-разному вели себя жители поселения и в разных зонах пространства поселения: «казенное чужое» могло подвергнуться разграблению, а свое оберегалось от поползновений на него чужих. В то же время продукция, в производство или добычу которой был вложен собственный труд (даже если это была совхозная сфера), как и в прежней казачьей традиции, признавалась «общей» и свободно перераспределялась между «своими». Все эти представления и практики сохранялись в течение длительного советского периода истории страны, дожив благополучно до времени распада СССР.

Ключевые слова: полевая этнография, эпоха советского «застоя», культура повседневности, практики жизнеобеспечения, представления о власти.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: ryblova@mail.ru (М.А. Рыблова)